

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

НАСТОЯЩАЯ ФАНТАСТИКА 2016

ВАДИМ ПАНОВ
ЛЕО КАГАНОВ
ЯРОСЛАВ ВЕРОВ
ИГОРЬ МИНАКОВ
СЕРГЕЙ ЧЕКМАЕВ
МАЙК ГЕЛПРИН
ИГОРЬ ВЕРЕСНЕВ
ДМИТРИЙ ВОЛОДИХИН
ЮЛИАНА ЛЕБЕДИНСКАЯ
И ДРУГИЕ

НАСТОЯЩАЯ ФАНТАСТИКА

Издание подготовлено
совместно с издательством
«Снежный Ком М»

2016

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н32

Составители сборника *Г. Гусаков, И. Минаков*

Серия основана в 2003 году

Серийное оформление художника *Е. Савченко*

Иллюстрация на переплете *М. Петрова*

Н32 **Настоящая фантастика — 2016** : [фантастические повести и рассказы] / [сост. Г. Гусаков, И. Минаков]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 768 с. — (Русская фантастика).

ISBN 978-5-699-88830-6

Немецкие мотоциклисты, ворвавшиеся в село, внезапно окружили Таню Климову, ленинградскую комсомолку, застигнутую войной во время летней практики. Мучительная гибель была неизбежна, но девушке повезло — испытатель хронокапсулы из далекого будущего спас ее. Спустя тысячу лет человечество достигло звезд, терраформировало Марс, построило справедливое общество без насилия и войн. Тане предложили остаться в этом прекрасном мире навсегда, но как остаться, когда по родной земле ползут пятнистые коробки вражеских танков, а нелюди мучают и убивают мирных жителей?..

Загадочный посетитель явился к мудрому китайскому мастеру Ченгу, чтобы выведать у него секрет путешествия во времени. Нетерпеливый и жадный иностранец готов был заплатить любые деньги, сулил мировую славу, грозился смертью, но мудрый мастер стоял на своем — путешествие во времени невозможно... Особенно для таких вот нетерпеливых и жадных...

Вадим Панов, Лео Каганов, Ярослав Веров, Игорь Минаков и другие известные писатели-фантасты в традиционном ежегодном сборнике, выпускаемом по итогам Крымского фестиваля фантастики «Созвездие Аю-Даг»!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Александер А., Балашова В., Батхен Н.,
Битюцкий С., Бор А., Вереснев И.,
Веров Я., Володихин Д., Гелприн М.,
Градинар Д., Громов А., Денисов А.,
Духина Н., Каганов Л., Кругосветов С.,
Лазаренко И., Лебединская Ю., Лукин Д.,
Минаков И., Немытов Н., Панов В.,
Панченко Г., Савеличев М., Сибгатуллин А.,
Чекмаев С., 2016

© Состав и оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-88830-6

ЗА ПРЕДЕЛАМИ БЕССМЕРТИЯ

Я НЕ ЗОМБИ!

ГЛАВА 1

25 июля

Темно. Абсолютная чернота. А глаза-то у тебя открыты, милая? Похлопала веками — открыты. Так темно или ослепла?

Тело! У меня должно быть тело, помню точно. Сжала кулаки — сжимаются. И ноги — подозрительно странным образом, но шевелятся.

Я разозлилась.

Меня что, в гроб определили? Собралась с духом и изо всех сил ломанулась встать.

Получилось. Значит, не в гробу. Ф-фу, аж сердце зашло — а ну как и вправду похоронили заживо.

Прошлась на ощупь вдоль стенок. Углы по сто двадцать градусов, стороны по два метра — в периметре получается шестиугольник. Никак наш родимый бокс для подопытных? Он самый, вон и вмятинка характерная.

Почему я здесь?

Памятью ослабла, что ли, ты ж сама восторженно верещала, когда Леха предложил! «Это тебе подарок ко дню рождения!» — сказал. Оригинальный такой подарочек — считать мозг и записать на носитель. Иметь свою копию мало кто может себе позволить: в массовое производство технологию пускать не предполагалось, да и хранение требует особых условий.

Стоп. А если я копия и есть? В обезьяньем, допустим, теле?

Да ну, не может быть. Хотя... показалось или нет, будто пальцы прошлись по волосатому покрову вместо гладкой кожи?

Черт-те что мерещится. Отложим версию как маловероятную. И кончаем морочиться, работаем.

В стену должна быть вмонтирована такая маленькая штучка — для персонала, случайно запертого. Сотруднички у нас раззявы те еще, обезопасились втайне от начальства. Ага, нащупала. Нажала строго определенным образом.

И скрючилась от хлынувшего света. Дуреха, глазки-то прикрывать надо! Но разглядеть успела: никакая я не обезьяна. Обычная женщина.

Наверное, что-то пошло не так во время процедуры. Считывание происходит в удобном кресле, в нем же пациент и очухивается. А не в темном боксе. Я спокойна, спокойна. Десятки раз проделывали, ни разу никаких эксцессов. Но то ж с другими. А с тобой, Наталья, всегда чепэ, сколько себя помню... Не распляйся на философию, свыклась со светом — и вперед, наружу!

А снаружи-то — никого... Не ждали, называется.

Если меня изолировали — значит, не стоит афишировать, что я освободилась. Что-то мне все это не нравится... шутка какая-то дурацкая. Ну, погодите...

Заперла бокс с внешней стороны на известный код. В окошке наблюдения, настроенном на инфракрасный режим, подправила картинку: стерла свой выход, скопировала мувик длительностью полчасика, где я безжизненно валяюсь, и поставила циклить. Ха, Леха, это тебе привет от меня, потом вместе поржем.

Стащила халат из закутка бабы Маши, нашей уборщицы, накинула на плечи и в обход камер добралась до своей комнатки.

Да, у меня собственный кабинет. Маленький, но сам факт приятно греет самолюбие. Петрович постарался, мой научный руководитель еще с аспирантуры, и защититься тогда помог, и с работой — взял к себе в группу. Институт у нас престижный, с улицы не попасть. Повезло, одним словом, с шефом, хороший мужик. И сама я хорошая, умная, добрая (хвалить себя, повышая самооценку, рекомендовал штатный институтский психолог).

Запустила комп.

И обалдела.

Кто смел касаться моего сокровища?! Почему фон другой?! Что за новая папка в рабочем разделе, да еще и запароленная, вот гады... Перешли черту, называется. Игривое настроение испарилось.

Ввела поочередно свои секретные пароли, и на третьем — самом интимном, если можно так выразиться — директория открылась. Сердце екнуло. Кроме меня, этот пароль не знал никто — вообще. Рылись в моем мозге? Зачем?!

Число! Какое сегодня число?

Боже ж ты мой, день рождения у меня 22 января, и ложилась на считывание я чуть загодя — двадцатого... А компьютер утверждает — нынче 25 июля! И ведь не врет: за окном — лето, как сразу-то не сообразила, вся из себя умная... Хорошо хоть год один в один.

Господи, а кто и что с Танькой? Перед уходом на процедуру предупредила заведующую, чтобы если что — Таню в круглосуточную группу определили. Неужто до сих пор ребенок в саду? Она же с ума

сойдет, пять годиков всего, ребенок без мамы не может!

Погоди гнать волну, думай еще, час на фоне полугода — не время! В содержимое вникай, в содержимое! Панику к черту, все эмоции и думы после!

По прочтении оправила мешковатый халат, для пущей конспирации повязала косынку и, прихватив из угла веник, неспешно побрела в душ, как есть уборщица. Мысли разбегались, словно тараканы при внезапно включенном свете. Женщин у нас мало, дамская половина санитарной зоны обычно пустует. И в этот раз никого. Заперла дверь, скинула одежду. Встала перед большим зеркалом, вперила взгляд в отражение.

Я или не я? Белое, длинное, тощее тело... зачем так грубо, Наталья — не тощее, а стройное. Грудки что надо, пусть маленькие, зато упругие, дольше не обвиснут, как у некоторых. Родинка. Шрам надо лбом, под волосами. Волосенки жидковаты, зато светлые. Виснут сосульками, но это временное явление — помою и распушусь в одуванчик. Все мое и на месте; сомнений нет, передо мной — я. Ф-фу, отлегло.

Но что-то не так. Что?

Ёлы-палы, осязание просело... Трогаю предметы — вроде нормально. Но именно что вроде. Если шарить не глядя — вдвое как минимум упала чувствительность. Спокойно, для паники нет оснований: наверное, сказываются последствия травмы или еще какой гадости, из-за которой я оказалась в боксе.

Согласно моему же отчету из таинственной папки, считывание мозга прошло успешно, и вплоть до

момента ИКС я вела обычный образ жизни, исправно ходила на работу.

Работаю я над телепортацией. Не в общем и целом, а в узкой ее части. Ученый из меня так себе, на подпевках, но я стараюсь, вникаю, грызу и в своей области, смею думать, разбираюсь досконально. Мы, работяги, процеживаем горы шлака в поисках зернышка. А находим — его тут же прибирает в свои гребучие лапы начальство. Мы пашем, они стригут. Не заводись, Наталья, испокон веков одни эксплуатировали других, было б с чего расстраиваться.

Момент ИКС случился три недели назад — четвертого июля: я вдруг перестала вести рабочий дневник. Безо всяких на то предпосылок — по крайней мере, они не отражены в предыдущем материале. Чтобы я — да не записывала! — со мной такого в принципе произойти не могло, разве что всемирный потоп или апокалипсис.

Одиннадцатого июля, то есть спустя неделю от момента ИКС, следовала странная запись:

«Успела! Прости и прощай!»

Чисто в моем стиле: красиво излит вопль души, о чем именно — непонятно. Но веет болью. Такой безумной и сильной, что я — нынешняя — стерла ту запись. Ибо нефиг.

И все, больше в отчете ничего нет. Пусто.

Зато есть мое тело, очнувшееся в боксе для телепортированных, и сознание, помнящее события лишь до момента считывания мозга, случившегося полгода назад. Что это значит? Самая вероятная версия — со мной что-то сделали. Не что-то — смелее рассуждай, Наталья! — а конкретно: телепортировали, раз очнулась в боксе для телепортированных. И после закачали полугодовой давности копию.

Одно радует — выпавшие из памяти полгода я вела нормальный образ жизни, судя по скрупулезным записям дневника, значит, и Таня со мной была. Если она и в круглосуточной группе, то две-три недели, а не полгода. Тоже не фонтан — плачет небось, страдает... Нельзя на эту тему думать, расклеюсь. Без психоза, Натик. Я спокойна, спокойна, спокойна...

К опытам по телепортации животных институт приступил не так давно, если мерить глобальными мерками. Начали с мышей, дошли до собак. Благодаря подвижнической работе рядовых сотрудников (намекаю на нас с Лехой) удалось телепортировать живой объект на метр, потом на два, причем в соседний отсек с бетонными перегородками. Отличные результаты! Премии сыпались одна за другой, институт вышел на первые позиции в мировой научной гонке, газеты обещали скорый революционный прорыв и новую эру для человечества.

Но... Существовало маленькое «но»: перемещенные особи становились какими-то... странными. Будто с ума сходили. Падали и лежали, лапами дрыгали. Спустя какое-то время подымались — и начинался концерт: бегали, словно заведенные, по кругу, а некоторые и на человека бросались. Потому-то меня, наверное, и заперли после процедуры в боксе — вдруг в буйство впаду, покрушу имущество, сильная ведь, не рохля какая. А я, по всему, не пришла в себя, валялась недвижно — и тогда в меня качали копию...

Телепортированных от нас забирали биологи. Меня передернуло — не хватало оказаться в безжалостных лапах и подвергнуться вивисекции! Из их огороженного здания порой раздаются настолько

душераздирающие вопли, что сердце заходится от жалости, а перед глазами всплывает картинка: бедных жертв препарируют без наркоза. Вовремя сбежала!

Что дела не совсем благополучны — поняли мы с Лехой еще по первым экспериментам, когда подопытных забирали не сразу. Потом начальство очухалось, навело секретность. Ты работал — а результатов не видел, плоды труда изымались. Что конкретно происходило с плодами — оставалось лишь гадать. Биологи молчали, будто воды в рот набрали, даже на неформальных встречах в курилке. Лешка жаловался: его друг биолог Женька — и тот словечка по интересной теме не вымолвил.

Теперь понятно, почему работы засекретили: у испытуемых ломалась нервная система. Осознание — оно ведь благодаря нервным волокнам работает. Неприятно: на весь свет раструбили — вплотную, мол, подошли к освоению принципиально нового метода перемещения человека — и вдруг такая подлянка. Кому нужен транспорт, хоть самый распрекрасный, если он калечит пассажира!

И тут предо мной всплыл закономерный вопрос: копию мозга логично снимать непосредственно перед серьезным испытанием, телепортация же — испытание, серьезнее не бывает, и если вдруг в меня загрузили старый, полугодовой давности образец — значит... что? Да что угодно. Я чего-то натворила? Нет, не могла, у меня ж ребенок... Не стала бы Танькой рисковать — железно. Тогда... Мамочки!

Вот именно — мамочки. Я — мать! Где мой ребенок?

Немедленно к Таньке! Танечке моей ненаглядной, крошке розовощекой, пупсику сладкому...

В садик неслась изо всех сил — надо успеть на вечернюю прогулку, пока дети на улице и доступны взгляду. Старалась не думать. Удовольствие от быстроты преодоления пространства — пожалуйста, получай, а вот головой работать — не смей! В мозгу копошились личинки гадких мыслишек, заковать и не выпускать!

Не вышло не выпускать. Одна, самая жуткая, таки пробила защиту и затопила сознание: а вдруг что ужасно непоправимое с дочей случилось? Вполне ведь возможный сценарий — мать добровольно идет на убийственный эксперимент. Потому что жить без ребенка смысла нет. Одна она у меня. Мужик предал, к другой ушел. Родители тоже предали — взяли и погибли в автокатастрофе. Сейчас я узнаю, что и дочь...

Влезла в крапивные заросли, прилипла к ограде, где гуляли круглосуточники. Полина, Данила, Антон... а Тани нет.

Меня затрясло, словно припадочную.

Кончай истерить, Наталья. Вон малец возле забора отирается... Юркнула к нему ползком.

— Егорка! — окликнула белобрысого пацаненка, сосредоточенно сопевшего над самолетиком. Развинчивал на составляющие — любимое хобби, гены в действии, называется. Отец его — теоретик, академик, выдающаяся личность, входит в руководящий пул нашего института.

— Тетя Наташа?! — воскликнул мальчик.

— Тс-с! Нельзя, чтоб меня видели. Где Таня?

— Ты из психушки сбежала? Папа сказал, ты сумасшедшая и тебе место в психушке.

Вот ведь умник, что твой папашка...

— Ну да, оттуда! — согласилась покорно, лишь бы скорее перейти к главному. — Про Таню скажи, не мучь больную тетю.

— Она ждала тебя! Плакала! Чего ты не шла?

— Когда? — простонала я. — Где?

— Ее папа забрал. А ты иди обратно, убежать нехорошо.

— Какой такой папа? — удивилась.

— Егор, ты что там! А ну, отойди от ограды, быстро! — хлестанул по ушам окрик воспитательницы. Задним ходом я вильнула назад в заросли.

Отпустило, разжалась натянутая струна. Дочь жива, и это главное. А с остальным разберусь. Неспешной рысцой трусила в направлении коттеджной застройки, куда переселился мой бывший, и крутила в голове версии.

Гаденыш взял моего ребенка! Но зачем? Зачем ему Танька? Неужто его нынешняя богатенькая пассия бесплодна, и он решил забрать дочь в новую семью?

Вполне себе версия: чтобы избавиться от настоящей матери, они подкупили шефа, уговорили создать из Натальи Петровой идола — первого на Земле телепортера. Типа космонавта Юрия Гагарина. Потом еще и наживутся на моем имени и славе, какие-никакие, а родственники...

Ха! Придумали — отнять дитя у матери! За свою кровиночку порву любого. Держитесь, гады!

Бывший смотрел на меня во все глаза, будто на мертвеца ожившего. Хотел и не мог выдать ни слова. Лишь рот открывал, как выкинутая на берег